

М.С.Хван

Культурная идентичность Бразилии в эпоху глобализации

В статье рассматриваются условия формирования бразильской культуры и проводится краткий анализ ее характерных особенностей. Автор предпринимает попытку ответить на вопрос, существует ли латиноамериканская цивилизация, и принадлежит ли к ней Бразилия. Анализируются также происходящие сегодня в мире процессы глобализации и взаимодействия локальных цивилизаций в контексте теории С.Хантингтона и даются некоторые прогнозы относительно будущего мироустройства и места в нем Бразилии. По мнению автора, если эта южноамериканская страна, основываясь на принципах «Альянса цивилизаций», будет, с одной стороны, бережно относиться к собственной культуре, а с другой — принимать участие в межкультурном диалоге, существование ее культурной идентичности в глобализированном мире станет возможным.

Ключевые слова: Бразилия, глобализация, культура, культурная идентичность, цивилизация, межкультурный диалог.

Бразилия... В наши дни эта страна необычайной красоты и удивительного многообразия во всех проявлениях жизни уже перестала быть той «terra incognita», которой являлась до недавних пор. Сегодня представления об этом южноамериканском гиганте только как о неведомой земле, «где живет много-много диких обезьян, и все ходят в белых штанах», навязанные нам небезызвестной книгой И.Ильфа и Е.Петрова, для любого россиянина являются более чем однобокими.

Бразилия уже давно во всеуслышание заявила о себе как о стране, обладающей огромным демографическим, территориальным и производственным потенциалом, располагающей крупными природными ресурсами и запасами полезных ископаемых, имеющей высокий потенциал экономического, инновационного и военного роста. С конца 90-х годов XX в. беспрерывно растет и роль Бразилии как одного из центров многополярного мира, подразумевающая, во-первых, формирование ею собственной зоны влияния в Южной Америке, во-вторых, расширение контактов с другими региональными лидерами по линии Юг — Юг (в частности, со странами BRICS) и, в-третьих, активное включение в деятельность ключевых структур глобального регулирования, таких как ООН, МВФ, «большая восьмерка» и др.¹.

Мария Сергеевна Хван — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романских языков им. проф. Т.З.Черданцевой МГИМО (У) МИД России (marik38@rambler.ru).

Однако и это еще не все. В настоящее время, когда люди практически из всех уголков мира имеют доступ к огромному количеству материальных благ, и им подчас так не хватает благ духовных, бразильская культура, обогатившая мир в таких сферах, как музыка и литература, архитектура и изобразительное искусство, театр и кинематография, становится все более востребованной. И хотя наиболее яркими ее символами продолжают оставаться бразильские карнавал и футбол (последний имеет особую актуальность накануне проведения в Бразилии Чемпионата мира 2014 г.), современному человеку уже не понаслышке знакомы и бразильская босанова, и производство телекомпаний «Globo», и произведения Жоржи Амаду, и многое другое. Бразилия с каждым годом привлекает все большее количество туристов, чему в немалой степени способствует облегчение визового режима с рядом стран, в том числе с Россией. Растет во всем мире и количество изучающих португальский язык.

Однако, насколько Бразилия способна сохранить свою неповторимую, завораживающую, самобытную культуру в условиях, когда мир меняется с такой стремительностью, что даже ученые не успевают осмыслить происходящие перемены и предвосхитить их перспективы? Не может ли она утратить свою культурную идентичность в условиях глобализации?

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Для начала следует разобраться с тем, что же означает термин «глобализация». В основе понятия «глобализация» лежит английское слово «globe» — земной шар, что подчеркивает планетарный характер обозначаемых этим термином явлений. Однако, помимо того, что между учеными не существует единого мнения по поводу того, когда и кем было введено это понятие, до сих пор нет и однозначного трактования данного термина, он размыт и туманен.

Как отмечает известный американский социолог Уильям Леон Макбрайд, «глобализация — слово со многими значениями, которое всегда было очень трудно определить». Глобализация понимается то чрезмерно расширительно, когда в нее включают чуть ли не все социальные процессы современного мира, то неоправданно зауженно, когда ее ограничивают в основном экономической интеграцией². Одни авторы определяют глобализацию как процесс, другие — как состояние, третьи — как явление, четвертые отождествляют глобализацию с модернизацией, а иные и вовсе считают ее мифом. Наиболее соответствующими действительности, однако, представляются синтетические подходы, где глобализация рассматривается многоаспектно. Так, в 1990 г. британский ученый Мартин Алброу дал определение, по которому: «глобализация» — это все те процессы, благодаря которым народы мира инкорпорируются в единое мировое общество, «глобальное общество»³.

С этой точки зрения представляются оправданными теории тех авторов, по мнению которых, явление глобализации абсолютно не новое, оно исконно присуще человеку и на различных этапах мировой истории проявляло себя в различных формах. Важнейшими же этапами глобализации (каждый из которых имеет своих адептов в плане его рассмотрения в качестве начала глобализационных процессов) целесообразно было бы считать, во-первых, эпоху Великих географических открытий, которым Бразилия и обязана своим рождением; во-вторых, период, предшествовавший первой мировой войне, когда было налажено паровое и железнодорожное со-

общение, увеличились миграционные потоки и объемы международной торговли; и, наконец, в-третьих, нынешний этап, связанный с информационной и научно-технической революцией, с переходом к модели сетевой экономики, к постиндустриальному обществу.

Вот на этом последнем по счету, но не финальном этапе глобализации следует остановиться поподробнее. Не только потому, что большинство современных авторов сходится во мнении, что за прошедшие 30 лет произошли глубокие перемены в экономической, политической, культурной областях, перемены, связанные с распространением интернета, перемены в мировоззренческих и ценностных установках людей. В ходе дискуссий, возникших на текущей волне глобализации, пожалуй, впервые в истории науки на передний план вышел цивилизационный подход, позволяющий наиболее полно, можно сказать, интегрально рассматривать реальные процессы общественного развития. И причиной появления такого подхода, безусловно, явилась сама реальность.

С окончанием холодной войны и глобального противостояния между социалистической и капиталистической моделями развития в мире заговорили о «завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁴. Эта концепция, наиболее полно отраженная в трудах американских мыслителей Фрэнсиса Фукуямы и Генри Киссинджера, в течение некоторого времени казалась неоспоримой и подтверждалась объективными процессами «вестернизации», космополитизмом и некритическим принятием неолиберальных ценностей во всем мире. Однако в 1993 г. в журнале «Foreign Affairs» была напечатана статья американского социолога и политолога Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», в которой он говорил о том, что решающую роль в межгосударственных отношениях играют не экономика и политика, а культура и религии, и предсказывал возможность появления новых, «цивилизационных» конфликтов в постбиполярном мире⁵.

Идеи Хантингтона о существовании различных цивилизаций (позднее дополненные в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка») не отличались новизной. Задолго до него свои теории предложили русский социолог и культуролог Николай Данилевский, немецкий философ Освальд Шпенглер, британский ученый Арнольд Тойнби и многие другие. Однако именно с трудов Хантингтона «цивилизационный дискурс» приобрел особую остроту, обусловленную столкновением в 90-е годы XX в. двух тенденций: с одной стороны, всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации (под которыми мы и понимаем процесс глобализации), и с другой — национально-цивилизационного возрождения, обособления и дифференциации культур, усиления их особых черт.

Здесь стоит оговориться и обозначить, что мы подразумеваем под понятием «культура», поскольку оно чрезвычайно емко и весьма многообразно. Существует много различных определений понятия культура. Однако в контексте данного рассуждения более адекватным представляется определение, предложенное британским исследователем Ричардом Мидом в работе «Межкультурные коммуникации управления»: «Культура — это коллективное программирование разума, отличающее членов одной человеческой группы от другой» («Cross-Cultural management Communication»: «Culture is the collective programming of the mind which distinguishes the members of one human group from another»)⁶. Таким образом, когда мы говорим о культуре определенного народа, то подразумеваем не только и не

столько культурное наследие, которое веками накапливалось на территории его проживания, сколько все убеждения и ожидания, которые демонстрируют люди, их ценности, верования, правила поведения, идеалы. И именно через культуру в ее самом широком значении — в совокупности ее духовной и материальной сфер с полным учетом их взаимозависимости — мы и понимаем цивилизацию (как целостность бытия макрообщности)⁷.

Что же касается «культурной идентичности», то, оперируя данным понятием, мы, прежде всего, имеем в виду принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующую ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. Поэтому когда речь идет о «культурной идентичности» определенной страны, подразумевается самоотождествление населяющего ее народа с традиционно сложившейся системой социокультурных ценностей, самоощущение людей внутри конкретной культуры и цивилизации, которые по мере усиления глобализационных процессов начинают трансформироваться, приобретая различные формы⁸.

Не будем вдаваться во все подробности цивилизационного дискурса, не утихающего вплоть до наших дней. Скажем только, что в обобщенном виде его можно представить как противостояние трех подходов: гиперглобалистов, скептиков и трансформистов. Гиперглобалисты описывают или предсказывают гомогенизацию мира под покровительством американской массовой культуры или западной потребительской культуры в целом. Гиперглобалистам противостоят скептики, которые подчеркивают тонкость пленки и суррогатный характер глобальных культур по сравнению с национальными культурами, сохраняющееся и даже растущее значение культурных различий, указывают на конфликты на геополитических границах крупнейших цивилизаций мира. Трансформисты толкуют о том, что смешение культур и народов порождает культурные гибриды и новые глобальные культурные сети⁹. И хотя каждый из этих подходов имеет право на существование, возникновение и развитие в наши дни нового для истории феномена — «истернизации», основанного на беспрецедентном рывке Азии, а также становление так называемых восходящих стран гигантов, к числу которых относится и Бразилия, свидетельствуют явно не пользу гиперглобалистов.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Споры о том, является ли Латинская Америка цивилизацией, ведутся довольно давно. После появления трудов Хантингтона, в которых он говорил о том, что Латинскую Америку можно рассматривать либо как субцивилизацию в рамках западно-христианской, либо скорее как отдельную цивилизацию, близко с Западом связанную, среди ученых всего мира появились как сторонники его теории, так и противники.

Сторонники говорят о правомерности выделения Латинской Америки в отдельную цивилизацию, обусловленную этническим составом населения данного региона и уникальной латиноамериканской культурой, на формирование которой он оказывает влияние. Так, например, бразильский профессор Франсишку Жилмей Флек пишет о том, что Латинская Америка занимает свое место на карте западной цивилизации, поскольку, несмотря на то, что культура ее народов долгое время находилась под воздействием европейской культуры, автохтонные начала в ней изначально были настолько сильны, что в настоящее время заново дают о себе знать в процессе создания аутентичного искусства¹⁰.

Примерно в этом же ключе рассуждают кубинские ученые Рудди Толедо Микó, Мерседес Силва Пупо и Беатрис Бертоли Веласкес, написавшие о том, что, хотя изначально испанские и португальские конкистадоры ставили перед собой задачу навязать коренным народам Латинской Америки собственные модели и стили, те сумели не только сохранить свое культурное достояние в таких художественных образцах, как керамическая посуда и музыкальные инструменты, но и обогатить его в последующие века, внося значительный вклад в становление самобытного латиноамериканского искусства и соответственно в формирование латиноамериканской идентичности¹¹.

В то же время противники теории Хантингтона, признавая наличие в латиноамериканской культуре автохонного начала, рассуждают о его слабости, о том, что коренные народы Латинской Америки не смогли противостоять западной цивилизации, распространившейся по всему региону.

Так, например, бразильский исследователь Элиас дос Сантос Силва пишет об ошибочности теории Хантингтона. По его мнению, неправильна сама категоризация цивилизаций, предложенная американским автором, не учитывается тот факт, что цивилизации — явление не статичное, а подверженное эволюции и изменениям. По словам бразильца, неверно и выделение Латинской Америки в отдельную цивилизацию и даже субцивилизацию, поскольку все характеристики, которые Хантингтон считает свойственными западной цивилизации (религия, язык, социальный плюрализм, разделение церковной и светской власти, индивидуализм и др.), в полной мере относятся и к Латинской Америке. Ошибочным ученый считает и мнение Хантингтона об «индихенизации» стран региона, поскольку немногочисленные индейские народности никогда не смогут изменить направление религиозно-культурного развития региона¹².

Некоторые российские ученые, среди которых можно назвать Якова Георгиевича Шемякина, Бориса Иосифовича Коваля, Сергея Ивановича Семенова, признают правомерность выделения латиноамериканской цивилизации, но при этом говорят о ее «пограничности». Качество «пограничности» они видят в преобладании начал многообразия и гетерогенности в латиноамериканской цивилизации, в конфликтном сосуществовании в рамках одной социокультурной макрообщности двух типов мирового цивилизационного развития — Запада и Востока. «Латиноамериканский регион — место исторической встречи, смешения и взаимодействия не только большинства живущих на Земле народов, этносов и культур, но и всех существующих рас, что накладывает на латиноамериканскую культурно-историческую общность совершенно особый отпечаток»¹³, — пишет Я.Шемякин.

Наиболее же объективным и близким к реальности нам представляется подход российского ученого, директора Института Латинской Америки РАН Владимира Михайловича Давыдова, который впервые в научной практике доказал существование в латиноамериканском регионе трех цивилизационно особых ареалов (ареалы с гибридной основой, ареалы с плантационной матрицей и ареалы социумов переселенческого типа) и в то же время заявил о наличии между этими ареалами общего стержня, существовании общего латиноамериканского пространства, общей латиноамериканской идентичности¹⁴.

И на самом деле. С одной стороны, было бы ошибочно проводить аналогии между системами ценностей, образом жизни, обликом культуры таких географически отдаленных пар, как Аргентина и Гаити, Коста-Рика и Гватемала, Уругвай и Доминиканская Республика, ибо и уровень общественной организации проживавших на момент колонизации в этих странах народов, и степень присутствия в них метрополии после прихода европей-

цев, и этнорасовый состав населения существенно разнятся. С другой стороны, разве страны латиноамериканского региона не обладают по большей части языковым сходством, сходством исторических судеб и геополитического статуса, что создает уникальную картину для современной мировой практики? Разве не происходили в них еще на ранних стадиях эволюции латиноамериканской культуры схожие процессы транскulturации, аккультурации, ассимиляции и транскulturальной инверсии, подробно рассмотренные российским исследователем Наталией Сергеевной Константиновой¹⁵? Разве не являются цивилизационно-обусловленными и повсеместный выбор в пользу неолиберализма в 90-е годы XX в., и такой же повсеместный отказ от него в пользу поисков собственной модели развития в начале XXI в.? Может быть, В.М. Давыдов прав, когда пишет, что Латино-Карибской Америке, видимо, просто не хватило исторического времени для доказательства целостности, необходимой для звания отдельной цивилизации?

Так или иначе в настоящее время в странах Латинской Америки можно наблюдать «цивилизационный подъем», который некоторые ученые называют «левым поворотом», некоторые, избегая этого термина, характеризуют как развитие антивестернизаторских, неодесарролистских идей, однако и те, и другие описывают его как процесс обретения регионом статуса главной зоны альтернативного развития современного мира. В основе же данного «цивилизационного подъема» лежит осознание латиноамериканцами собственной уникальности, возрождение «философии латиноамериканской сущности» известного мексиканского ученого Леопольдо Сеа, утверждение латиноамериканской культурной идентичности, которое вряд ли было бы возможно без самоидентификации отдельно взятых стран.

ЭТА САМОБЫТНАЯ БРАЗИЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Говоря о культурной идентичности Бразилии, следует, конечно, отметить, что она является составной частью культурной идентичности Латинской Америки в целом. Однако при этом обладает настолько уникальными характеристиками, что, по словам бразильского социолога и философа Жилберту Фрейри, «некоторые бразильцы верят, что их страна являет собой особую форму цивилизации, свойственную для тропической Америки»¹⁶.

Оно и неудивительно. Бразилия — единственная страна Западного полушария, открытие, завоевание и освоение которой было осуществлено португальцами, в то время как остальная часть Латинской Америки оказалась под колониальным господством Испании. Такое обстоятельство наложило на историю Бразилии, особенно на ее колониальный период, весьма существенный отпечаток, не учитывать который нельзя. Так, например, Бразилия — единственная латиноамериканская страна, превратившаяся на время в силу исторических обстоятельств из колонии в метрополию (во время пребывания там португальского королевского двора), что, с одной стороны, способствовало беспрецедентному экономическому и культурному развитию, а с другой — задержало ее самостоятельное развитие. В отличие от других латиноамериканских государств, Бразилия легко избавилась от колониального ига и в 1822 г. стала независимой империей. Однако независимость эта была лишь формальной, и вплоть до провозглашения республикой в 1889 г. доминирующее влияние на внутреннее развитие страны, ее внешнюю политику, а также на формирование культуры оказывало португальское начало.

На территории нынешней Бразилии, насколько можно судить сегодня, до прихода европейцев не было таких высокоразвитых индейских цивили-

лизаций, как цивилизации майя, ацтеков или инков. Согласно категоризации, предложенной д-ром Давыдовым, в канун Конкисты северовосточные племена Бразилии находились на стадии развития переходных обществ. Местное население не могло в широких масштабах использоваться в плантационном хозяйстве и замещалось рабочей силой, завозившейся из Африки. Племена же, проживавшие на юге страны и в районе Амазонии, находились на стадии первобытнообщинного строя. Зоны их расселения не представляли особого интереса для первой волны колонизации и были освоены лишь на рубеже XIX—XX вв., когда на новые земли прибыло несколько миллионов европейских иммигрантов (португальцев, итальянцев, испанцев, немцев и др.). Таким образом, в Бразилии имело место сочленение разнородных цивилизационных матриц, в результате чего население этой страны представляет собой одну из самых многочисленных и самых смешанных групп в мире, включающую в себя высокую долю европейцев (53,9%), самое крупное в регионе негритянское и мулатное население (черные — 6,2%, мулаты — 38,5%), невысокую долю азиатов (0,5%) и индейцев (0,43%), а также самбо или кафузу (афроиндейцев) и пардо (коричневых)¹⁷.

В целом в народе различаются до 200 различных оттенков кожи. Однако, как писал в своих работах еще Жилберту Фрейри, понятие расы в Бразилии довольно условно и субъективно и зависит не столько от цвета кожи, сколько от таких факторов, как образование, происхождение, достаток и т.д. Кроме того, следует иметь в виду, что никакие, даже официальные подсчеты по выявлению расового состава не заслуживают доверия в силу стремления респондентов завышать свой социальный статус.

В любом случае национальная бразильская культура представляет собой симбиоз европейского, африканского и индейского компонентов, каждый из которых оказал значительное влияние и на мироощущение, и на систему ценностей, и на трудовую и деловую этику бразильцев. И те же индейцы, доля которых в населении страны так мала, явились одним из системообразующих элементов бразильской нации и внесли неизмеримый вклад в формирование национального характера. Как пишет в своей книге «Бразилия — гигант в глобализирующемся мире» российский исследователь Борис Федорович Мартынов, «понятие индеец относится ко всем созерцателям по натуре, к тем, кто предпочитает любоваться природой, жизнью и людьми, осмысливая и анализируя увиденное, но не бросается немедленно переиначивать их на потребу своей выгоде. Это — монахи, аскеты, праведники, талантливые «чудаки»... непризнанные гении, философы, поэты, художники, «художники по натуре» (а к таковым, по нашему мнению, относится большинство бразильцев) и т.д.»¹⁸.

Соглашаясь с точкой зрения д-ра Мартынова, хотелось бы также добавить, что португальцы, колонизировавшие Бразилию, сами по себе тоже являются очень открытыми, душевными, сердечными людьми, готовыми в любой момент прийти на помощь. От португальцев бразильцам передалось миролюбие, гостеприимство, религиозность. Такие понятия, как «тоска» («saudade»), «неохота» («preguiça»), глагол «хохотать» («gargalhar»), уменьшительно-ласкательный суффикс «-inho», который, по словам бразильского историка Сержио Буарке де Оланды, «делает мир более доступным для наших чувств и более близким нашему сердцу»¹⁹, изначально существовали в классическом варианте португальского языка и сохранились лишь в бразильском варианте. Впрочем, африканский компонент также способствовал формированию таких черт бразильского национального характера, как оптимизм, сентиментальность, некая инфантильность, отзывчивость. А

вместе с ними — гордость, необузданность и страсть, расслабленность, любовь к мистицизму.

Размышляя о национальном характере бразильцев, следует, безусловно, упомянуть и их недостатки. В частности, такой феномен, как толерантность. С одной стороны, толерантность является способом минимизации конфликтности в обществе, порождает склонность к сопереживанию. Однако с другой стороны, обуславливает лояльность к покровительству при продвижении по служебной лестнице, к обмену ресурсами на политическую поддержку, к действиям по конфискации необрабатываемых земель у владельцев в пользу безземельных. Толерантность системы породила и такое понятие, как «жейтиньо» — особый способ обращения с просьбой, быстрый и эффективный путь к достижению цели путем отказа от формальных правил поведения²⁰. Жейтиньо же, который бразильцы отличают от коррупции тем, что при его осуществлении доброжелательность проявляется бескорыстно, а не с целью приобретения выгоды, как представляется, является оправданием лени, небрежного отношения к труду. С другой стороны, любой представитель западного общества мог бы позавидовать чувству коллективизма, близости себе подобным, радостному восприятию мира как такового и ближнего как части этого мира, преобладающим в обществе и лежащим в основе любви бразильцев к празднику.

Повсеместное распространение в Бразилии народно-религиозных праздников, в которых воедино слились обрядовые традиции европейцев, африканцев и индейцев и выработывалась система образов коллективной самоидентификации, происходило со второй половины XVI в. Именно праздники, включавшие в себя красочные театральные представления, обряды крещения индейцев, католические религиозные процессии, коллективные танцы и песни в честь африканских богов, «действия», приуроченные к окончанию сбора винограда, дали импульсы развитию различных жанров народной культуры, в границах которой происходил процесс формирования национальной идентичности. Наиболее ярким выражением этой праздничной культуры является приобретенный в последние десятилетия широкую известность карнавал²¹.

У бразильского карнавала долгая и богатая история развития. Будучи принесен на новую землю португальцами, изначально карнавал (называемый португальцами «энтруду») представлял собой веселье, проводившееся в течение трех дней перед средой первой недели великого поста, в ходе которого шутники посыпали друг друга мукой, пудрой и другими сыпучими материалами и обливали водой. Причем хозяева и рабы принимали участие в этих развлечениях вместе. В 1641 г. состоялось первое карнавальное шествие, завершившееся балом-маскарадом. В 1840 г. было принято решение о проведении балов-маскарадов для знати, которые в противовес народному карнавалу явились попыткой создания элитарного карнавала. Однако с созданием в середине XIX в. карнавальных клубов и их выходом в 1867 г. на улицу началось сближение двух видов карнавалов. 1 февраля 1907 г. в карнавальном шествии впервые принял участие автомобиль. С появлением же в 1930-е годы первых школ самбы карнавал родился в том виде, в котором мы его знаем сегодня, а именно как проводящийся во всех регионах страны парад школ самбы, которые соревнуются друг с другом в костюмах, песнях, декорациях и сюжетах, а жюри, сидящее на самбодроме, оценивает их выступления²².

Карнавал в Рио-де-Жанейро, несомненно, самый популярный в мире. Каждый год на это зрелище приезжают посмотреть не менее полумиллиона

туристов, среди которых много знаменитостей и звёзд шоу-бизнеса и спорта. Однако подобная коммерциализация, а также такие негативные аспекты карнавала, как избыточная сексуальная активность его участников, ведущая к росту числа заболеваний СПИДом, рост уровня преступности и некоторые другие моменты вызывают все возрастающую критику в его адрес. В настоящий момент все чаще можно услышать прогнозы, предсказывающие гибель карнавала. Однако бразильский народ, имеющий возможность в ходе карнавала показать всему миру свой национальный колорит, данного мнения не разделяет.

Для понимания особенностей социокультурной идентичности Бразилии интересно рассмотреть религиозный состав населения, ибо Бразилия является собой одновременно самую большую католическую страну в мире, третье по числу протестантов государство на Земле и страну с наибольшим числом представителей азиатских религий в Западном мире.

В целом религиозный состав населения довольно пестрый и включает в себя: приверженцев римско-католической церкви (около 64%), протестантизма (около 22%), спиритизма (1,3%), адвентистов, последователей Мормонов, свидетелей Иеговы, приверженцев африканских верований кандомбле и умбанда, членов еврейского сообщества, последователей буддизма, синто и других азиатских религий, мусульман. Некоторые люди практикуют синкретические культы (смесь различных религий, например, католицизма и местных религий индейцев). И около 7,4% населения называют себя атеистами, агностиками, либо верят без привязки к какой-либо религии²³. Существование такого количества конфессий в Бразилии стало возможным с провозглашением республики в 1889 г., когда все они получили равные права.

До 1889 г. официальной религией колониальной и имперской Бразилии являлся католицизм. Однако, как и православие в России, он не вытеснил все народные (языческие) верования, которых придерживалось местное население. Традиционный католицизм в этой стране трансформировался в сторону народного католицизма, вобрав в себя народные поверия и элементы иных религий. К христианским святым и мученикам в Бразилии добавились африканские и индейские духи, азиатские мудрецы, умершие европейские знаменитости. В настоящее же время наблюдается стремительное падение количества католиков, происходящее на фоне быстрого роста приверженцев различных протестантских деноминаций, в частности евангельских христиан (евангеликов).

Сутью церкви евангельских христиан является личная вера каждого в Иисуса Христа, особое духовное переживание при обращении к Богу, так называемое «рождение свыше», которое должно сопровождаться отказом от греховного образа жизни в дальнейшем. Евангелики верят, что принадлежность к какой-либо религиозной организации или регулярное участие в ее Таинствах не спасают при отсутствии личной веры человека. По мнению бразильского социолога Режиналдо Пранди, в отличие от католицизма, который устарел и занимается тем, что пытается подстроиться под происходящие в мире изменения, евангельские христиане напрямую апеллируют к человеку, изменяя его представления о деньгах и материальных благах, решая его личные проблемы. Однако, несмотря на огромную популярность новой церкви, по словам Пранди, она не сможет занять в Бразилии место господствующей религии. Хотя бы потому, что в этой стране государство является светским (так, например, он пишет о том, что когда бразильцы боролись за включение статуи Христа-Искупителя в список Новых семи чудес света, они это делали, основываясь не на религиозных чув-

ствах, а рассматривая стацию как величайшую достопримечательность). А в светском государстве одна религия не может заменить собой другую — скорее, она будет сосуществовать с другими религиями. Тем более, что евангельские христиане не имеют в Бразилии такого влияния, как верования кандомбле и умбанда²⁴.

Кандомбле — это афро-бразильская религия, созданная в Бразилии чернокожими рабами, вывезенными из Африки, и основанная на таких африканских верованиях, как вера ориша народа йоруба, вера вуду народов эве и фон и вера нкиси племени банту. В кандомбле нет религиозных собраний, разговоров о вере, а есть только песни и танцы под аккомпанемент национальных инструментов — атабаке и кашиши. Считается, что каждый ориша имеет свой дом в Африке. В ходе ритуала ориша прилетают с родины, и когда танцующий человек от постоянного повторения одних и тех же движений впадает в транс, вселяются в него и через него доводят до людей свою волю. Церемонию кандомбле всегда ведет женщина, жрица торрейро (аббатиса). Любопытно, что на проведение языческого обряда кандомбле жрица-аббатиса должна обязательно попросить разрешение в католическом храме.

Умбанда — другая бразильская синкретическая религия, считающаяся упрощенным вариантом кандомбле, однако на самом деле представляющая собой сложную традицию, которая вобрала в себя африканский спиритизм, афро-бразильский синкретизм, оккультизм, культы американских индейцев и католицизм. Пантеон Умбанды включает в себя почти весь традиционный Пантеон Йоруба, однако, в отличие от кандомбле, приверженцы умбанда опасаются непосредственного контакта с ориша и предпочитают общаться с духами-наставниками, в роли которых выступают духи предков или умерших детей. Боги в культе умбанда называются именами католических святых, которые завозившиеся из Африки рабы использовали для маскировки.

В целом же на сегодняшний день ни цвет кожи, ни социальное положение верующего значительной роли не играют. Многие бразильцы, формально являясь католиками, поклоняются ориша или йеманже, а приверженцем кандомбле может быть и рыбак из Сеары, и бизнесмен из Сан-Паулу. Религиозная ориентация многих зависит от обстоятельств, и в этом нет никакого лицемерия, фальши. Факт в том, что и католики, и протестанты, и иудаисты, и приверженцы других верований, помня о своем прошлом, ощущают себя бразильцами, носителями самобытной бразильской культуры, подарившей нам величайшие произведения искусства, высокохудожественную литературу, очаровательную музыку и многое другое.

О культурном достоянии Бразилии в принципе можно было бы говорить достаточно долго. Ведь на каждом этапе становления бразильской нации происходившие в стране процессы вызвали к жизни все новые творения. Так, в колониальный период бразильская культура развивалась в непосредственной зависимости от культуры Португалии и, соответственно, в русле господствовавшего до середины XVIII в. португальского барокко и сменившего его классицизма и просвещения. С установлением в 1822 г. независимости появилась новая сила — романтизм, явившийся результатом влияния французских, английских и испанских экспериментаторов в области идей и формы. На рубеже XIX—XX вв. культура Бразилии отмечена не только быстротой развития, но и неординарной последовательностью этапов этого развития, во многом противоречащей европейскому опыту: натурализм здесь возникает одновременно с критическим реализмом и символизмом.

Точкой же отсчета современного этапа развития бразильской культуры можно, без сомнения, считать проводившийся в 1922 г. в Сан-Паулу фес-

тиваль под названием «Неделя современного искусства». Именно этот фестиваль обозначил подлинный подъем в национальном самосознании, стремление к самостоятельности в сфере культуры, явил собой настоящую художественную революцию, возродившую чувство гордости за национальную историю, за бразильское национальное искусство.

Участники фестиваля занялись экспериментами в области литературы и изящных искусств (в настоящее время известными как футуризм, дадаизм и кубизм), и хотя впоследствии все они пошли разными путями, их энергия послужила катализатором новых настроений в литературе и искусстве. Поэт Менотти дел Пиккиа (1892—1988 гг.) так охарактеризовал цели нового художественного движения: «Мы хотим отразить в нашем Искусстве свет, воздух, вентиляторы, аэропланы, требования рабочих, идеализм, моторы, заводские трубы, кровь, скорость, мечту»²⁵. И им это удалось.

Неделя современного искусства пробудила творчество писателей Мариу ди Андради и Освальда ди Андради, писавших о бразильской культуре и бразильском фольклоре, поэтов Карлуса Друммонда ди Андради, с иронией описывавшего обычаи своего времени, и Мануэла Бандейры, строившего языковые ассоциации на пословицах и народных выражениях. Современный бразильский роман обрел новую форму и социальное содержание в работах Жозе Америку ди Алмейды, Жоржи Амаду, Грасилиано Рамуса, Жозе Линса ду Рего, Рашела ди Кейроса. Инициатором создания новой школы бразильских социологов считается уже упоминавшийся выше Жилберту Фрейри. Среди других известных писателей XX в. можно было бы также назвать Винисиуса ди Мораиса, Жуана Кабрала ди Мелу Нету, Эрику Вериссиму, Жорже ди Лиму, Асенсу Феррейру, Жоау Симоэнса Лопеша Нету, Густаву Баррозу и многих других. К современному периоду относится творчество Пауло Коэльо, Мильтона Атоуна, Мишеля Лауба, Андреа дель Фуэго, Джона Пола Куэнки.

В живописи и скульптуре «наследниками» Недели современного искусства можно назвать Лазара Сегалла, Эмилиану ди Кавалканти, Аниту Малфатти, Висенте ду Регу Монтейру, Тарсилу ду Амарал, Алберту да Вейгу Гиньярда. Кандиду Портинари прославился на весь мир своими фресками в библиотеке Конгресса в Вашингтоне и фресками на тему войны и мира в здании ООН в Нью-Йорке. Среди современных же художников можно выделить таких деятелей, как Лижиа Папи, Элиу Ойтисику, Лижия Кларк, Силду Мейрелис, Хак Лейрнер, Режина Силвейра, Жозе Резенди и многих других. Среди наиболее известных скульпторов — Северину, Местри Виталину и Зе Кабоклу. Одними из самых значительных художественных событий Латинской Америки являются проводящиеся с 1951 г. в Сан-Паулу биеннале²⁶.

Знаменитые архитекторы 20-х годов XX в. — Флавиу ди Карвалью, в 1927 г. представивший кубистический проект здания правительства штата Сан-Паулу, и Григорий Варшавчик, в 1928 г. построивший первый в Бразилии современный дом. На весь мир прославились архитекторы Лусиу Коста, составивший городской план построенной в 1960 г. новой столицы Бразилиа, и Оскар Нимейер, выполнивший проект ее главных общественных зданий. Современные архитекторы, внесшие вклад в диверсификацию стилей бразильской архитектуры, — Жуакин Гидис, Паулу Мендис да Раша, Руй Отаки, Изай Вейнфелд и др.

Что касается музыки, то те композиторы, которые получили признание после Недели современного искусства, свою задачу видели в привнесении бразильских фольклорных мелодий и ритмов в симфонические композиции. Творчество Эйтора Вила-Лобоса, Камарго Гуарниери, Франсиску Миньони отличается неповторимым своеобразием. В 1930-е годы XX столетия огромной популярностью стала пользоваться самба, которая являет-

ся смесью испанского болеро с португальскими куртуазными песнями и интонациями и ритмами африканской музыки. Ее самой известной исполнительницей была Кармен Миранда. Тогда же распространяется бразильская популярная музыка, соединившая традиционные европейские инструменты (гитару, фортепиано и флейту) с бубнами, сковородами, специальными бочонками, издающими шипящий звук. Здесь следует назвать композиторов Ноэла Розу, Ламартини Бабу, Ари Барросу. В конце 1950-х годов в Рио-де-Жанейро появляется босанова, сочетающая ритм бразильской самбы с американским джазом и принесящая славу композитору Антониу Карлосу «Тому» Жобину. В 1968 г. впервые заявили о себе тропикалисты, возглавляемые Каэтану Велозу и Жилберту Жилем и смешивающие международную музыку (например, латинские ритмы и рок-н-ролл) с национальными ритмами²⁷. К другим направлениям бразильской музыки относятся форро и баиан, фреву, шоринью, африканские ритмы.

Неделя современного искусства произвела революцию и в театре, привела к творческому использованию традиционных народных форм. Одним из первых достижений данного движения за обновление театра стал так называемый Театру ди Бринкеду. Однако «театральная революция» 1920-х годов была не единственной. Следующая произошла в 60-е годы, когда в большинстве стран региона зародилось «коллективное творчество». Среди наиболее выдающихся трупп этого времени можно назвать труппу «Мнение», совместившую в своих постановках теорию «эпического театра» Бертольта Брехта и традиционную национальную культуру. Здесь также следует упомянуть деятельность театра «Арена», которая легла в основу театральной эстетики Аугусту Боала, заключающейся в создании дидактического театра. Принцип «коллективного творчества» был ярко представлен и в опыте коллектива «Уньяу-и-олью виву»²⁸. В настоящее время в крупных бразильских городах нередко проводятся фестивали, не менее популярные, чем карнавалы. В 2000 г. в южном бразильском городе Жоинвили (штат Санта-Катарина) была создана единственная в мире зарубежная школа Большого театра, выпускники которой танцуют не только в Большом, но и в других известных балетных театрах мира.

Не обошла стороной Неделя современного искусства и национальный кинематограф. Именно в 20-е годы XX в. на экран вышли первые фильмы кинорежиссера Умберту Мауру, считающегося одним из основоположников бразильской кинематографии. В 1933 г. был снят фильм «Голос карнавала», возвестивший о возникновении стиля музыкальных кинокомедий «шаншада». В 1955 г. режиссер Нельсон Перейра дус Сантус снял фильм «Рио 40 градусов», которым положил начало движению «нового кино», заключавшегося в том, что людей снимали не в декорациях, а на улицах. С распространением же в 1960-е годы движения тропикалистов в Бразилии возникло движение маргинального кинематографа. Созданная в 1969 г. государственная кинокомпания «Embrafilme» коммерциализировала киноиндустрию, а в 1993 г. был принят закон о финансовом стимулировании производства бразильских фильмов. История бразильского кинематографа богата многочисленными премиями самых престижных международных кинофестивалей. А телекоммуникационная компания «Globo», ведущая постоянное вещание с 1965 г., сделала индустрию теленовелл предметом бразильского экспорта в 50 стран мира.

Завершая разговор о бразильской культуре, хочется сказать, что большое значение для бразильцев также всегда имел спорт. В Бразилии существует порядка 8 тыс. спортивных клубов. Популярностью при этом пользуются волейбол, пляжный волейбол, баскетбол, теннис, парусный спорт, автомобильные

гонки, единоборства... и, конечно же, футбол и капоэйра. Футбол является наиболее популярным видом спорта среди населения. Будучи привезен из Англии в конце XIX в. Чарльзом Миллером, он быстро завладел сердцами бразильцев. В 1902 г. в Сан-Паулу был проведен первый чемпионат штата. В 1950 г. для проведения Чемпионата мира в Рио-де-Жанейро был построен крупнейший в мире стадион Маракана вместимостью 160 тыс. человек. В 1958 г., 1962 г., 1970 г., 1994 г. и 2002 г. Бразилия завоевывала Кубок мира. Наиболее же известным бразильским игроком, игроком, признанным величайшим футболистом всех времен, является Пеле (на его счету 1200 голов).

Единоборства также являются собой интересный феномен. После того, как в 1914 г. сэнсэй из Японии Мицудэ Маэда основал в Бразилии первую школу дзюдо, посетивший его Карлос Грэйси и его братья приняли решение создать новый вид боевого искусства под названием «бразильское джиу-джитсу». В основу нового единоборства были положены борьба в партере, а также болевые и удушающие приемы. В 80-е годы XX в. Дениэл и Райан Грэйси создали еще один вид борьбы под названием «вале-тудо» — смесь бокса, вольной борьбы, восточных единоборств и уличных боев бразильских фавел. В 1990 г. в Рио-де-Жанейро была образована официальная Лига бразильского джиу-джитсу, а в 1996 г. при лиге появилась команда по боям «вале-тудо».

Что же касается капоэйры, то этот ритуализированный и стилизованный танец-борьба на сегодняшний день приобрел такую популярность во всем мире, что уже вряд ли нуждается в представлении. Зародившись среди завезенных в Бразилию из Анголы рабов как борьба, которую они пытались замаскировать от рабовладельцев танцами и музыкой, со временем капоэйра превратилась в атлетический вид спорта, а скорее, в особый вид искусства, совмещающий элементы акробатики, игры, танца и бесконтактного боя. В капоэйре запрещается наносить удары руками — все имитируемые удары наносятся ногами, пятками, ступнями и головой. При этом соперники, которых двое, находятся внутри круга, образованного из других капоэйристов, поющих песни. В «изголовье» круга стоят музыканты, играющие на беримбау (музыкальном инструменте в виде деревянной дуги с металлической струной), атабаке (традиционном африканском барабане), пандейру (бубне), агого (двойном колокольчике), реку-реку (трещотке с ребристой деревянной или металлической поверхностью)²⁹.

В 2014 г., как уже отмечалось, Бразилия во второй раз будет хозяйкой чемпионата мира по футболу. А как только страсти по нему утихнут, в 2016 г. она станет первой южноамериканской и первой португальскоязычной страной, в которой пройдут Олимпийские игры. Все это должно принести бразильцам, с одной стороны, неизмеримую радость и гордость, с другой — множество новых возможностей и с третьей — такое же множество хлопот. Страна обновляет свой внешний вид: повсюду строятся новые рестораны, магазины и культурные центры.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БРАЗИЛИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Каким же образом Бразилия может уберечь всю эту самобытную, уникальную, многостороннюю культуру от всевозрастающего давления машинной цивилизации, сохранить свою культурную идентичность в условиях мировой глобализации? В монографии «Бразилия — гигант в глобализирующемся мире» Б.Ф.Мартынов, рассматривая историю Бразилии с момента ее открытия до сегодняшнего дня, анализирует, каким образом вла-

сти этой южноамериканской страны на протяжении более чем 500 лет ее существования шли к формированию национального проекта.

По словам ученого, в течение долгого времени, пока Бразилия находилась в зависимости от Португалии (вплоть до провозглашения республики в 1889 г.), она была обречена на подчиненное положение в мировой торговле, обуславливавшее и комплементарность в умах ее властных элит. Тем не менее в те времена фигура монарха являлась символом национального единства, и именно благодаря ей вырабатывались основы бразильского национального самосознания и идентичности. Упразднение монархии прервало естественный ход событий, поскольку установленная в стране демократия оказалась «обезличенной», а ведь народ привык видеть на высших государственных постах личностей, а не политиканов в виде «кафетерос». В то же время с первыми попытками воздействия Бразилии на мировой кофейный рынок стали проявляться и первые признаки экономического национализма. Ставший же в 1902 г. на волне народной популярности министром иностранных дел барон Риу-Бранку заложил основы национального проекта Бразилии, предполагающего ее вхождение во внешний мир на правах естественного лидера южноамериканских стран, заставил весь мир заговорить о своей стране как о нарождающейся великой державе³⁰.

В целом на протяжении всей истории XX столетия периоды попыток реализации национальной идеи, сопряженные с проведением самостоятельного внешнеполитического курса и поддержанием внутривнутриполитической стабильности, сменялись периодами зависимого развития, следования в фарватере политики США и абсолютного забвения национального проекта. Такое чередование национализма и комплементарности можно проследить и в политике Жетулиу Варгаса, и в постоянной смене военным режимом концепций «предопределенной миссии» Бразилии в Латинской Америке, «автоматического равнения на США», «дипломатии процветания», «дипломатии национального интереса» и других.

После провозглашения в 1985 г. Танкредо Невесом «Новой республики» и объявления Бразилии демократическим, правовым государством, а также последовавшего вскоре после этого развала Советского Союза стране пришлось один на один остаться с абсолютным мировым гегемоном — США, и, как и большинству латиноамериканских стран, принять на вооружение неолиберальную модель развития. Однако в начале XXI в. к власти пришел «президент из народа» Луис Инасиу Лула да Силва, занявшийся проведением антивестернизаторской, независимой политики и утверждением альтернативной модели глобального развития. Именно с началом правления Лулы Бразилия окончательно осознала идею своего национального проекта, отвечающего ее исторической и культурно-цивилизационной специфике и являющегося залогом превращения страны в одного из ведущих мировых игроков.

В основе бразильского национального проекта лежат преодоление социальных диспропорций в обществе, эффективное использование национальных природных богатств, обеспечение национальной безопасности, а также активизация внешней политики Бразилии, в частности, развитие сотрудничества с цивилизационно близкими ей латиноамериканскими государствами, с португалоязычными странами Африки и с другими восходящими странами-гигантами. Однако не менее важным моментом, на наш взгляд, является интеграция бразильской культуры в мировую культуру, реализация культурной политики, основанной, с одной стороны, на бережном отношении к национальному достоянию, а с другой — на культурном диалоге с другими государствами. Как заявил в апреле 2010 г. на саммите религиозных лидеров в Баку Патриарх Кирилл, «подлинный прогресс возможен

только тогда, когда он является естественным продолжением цивилизационных традиций». А для этого необходимо повысить роль межрелигиозных форумов, голос которых должен стать в мировой политике «более ясным и сильным, конкретным и убедительным». Потеря же национальной самобытности — это «открытие шлюзов для того, чтобы негативные последствия глобализации стали необратимыми в масштабах планеты»³¹.

Культурная политика Бразилии на сегодняшний день имеет прочную законодательную базу. Так, например, в августе 2005 г. был принят декрет N 5520 об учреждении «Федеральной системы по культуре», в первой статье которого перечислялись цели системы, а во второй — ее структура³². Немалая роль в продвижении бразильской культуры во всем ее многообразии принадлежит министерству культуры. Что же касается диалога с другими культурами, то, на наш взгляд, большой вклад в этот процесс призван внести проект «Альянс цивилизаций».

Впервые о нем заговорили в 2005 г. на 59-й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Инициатива активизации международных действий против экстремизма посредством налаживания межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога и взаимодействия была предложена премьер-министром Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро и поддержана премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Первый форум «Альянс цивилизаций» был проведен 15—16 января 2008 г. в столице Испании, Мадриде. Второй форум прошел 6—7 апреля 2009 г. в столице Турции, Стамбуле, третий — 27—29 мая 2010 г. в бразильском городе Рио-де-Жанейро, четвертый — 11—13 декабря 2011 г. в столице Катара Дохе, наконец, пятый — 27—28 февраля 2013 г. в столице Австрии Вене.

В ходе этих форумов было признано, что культура, культурное разнообразие и межкультурный диалог являются залогом устойчивого развития, что улучшение межкультурных отношений фундаментально важно для обеспечения глобальной безопасности и мира, что культурная идентичность представляет собой важный источник человеческого достоинства и социальной включенности, а также выражает наиболее распространенные в обществе этические понятия и моральные параметры, вследствие чего налаживание межкультурного понимания может быть ключом к достижению таких Целей развития тысячелетия, как содействие равноправию полов, распространение образования и развитие молодежи³³.

Бразилия принимает активное участие в деятельности «Альянса цивилизаций». В 2007 г. в Рио-де-Жанейро прошел международный семинар «Альянс цивилизаций. Поликультурность и права человека», в 2010 г. — третий ежегодный форум «Альянса цивилизаций». Одним из направлений работы в рамках проекта является выработка национальных программ, соответствующих рекомендациям Группы высокого уровня³⁴. Главными же векторами бразильской национальной программы являются, во-первых, решение социальных проблем в самом бразильском обществе (урегулирование отношений между разными этническими группами, поддержка мигрантов, работа с молодежью, распространение в общественном сознании через средства массовой информации идей толерантности, проведение гендерной политики, сохранение культурного и исторического достояния бразильской нации), а во-вторых, углубление всестороннего сотрудничества страны в международном аспекте. Учитывая межкультурную и межрасовую основу бразильской нации, для Бразилии идеи «Альянса цивилизаций» представляют «естественный интерес»³⁵. И, возможно, именно деятельность в рамках данного проекта будет способствовать сохранению культурной идентичности Бразилии в нынешнем глобализованном мире.

В настоящее время в мире происходят сложные, порой противоречивые процессы, будущее которых предсказать практически невозможно. С одной стороны, мир становится как будто уже, теснее, что связано со все усиливающейся глобальной интеграцией экономик и обществ, нарастанием темпов перемещения товаров и капиталов, информации и технологий, знаний и рабочей силы. С другой стороны, на мировой арене сталкиваются различные цивилизации, которые, хотя и решают одни и те же проблемы человеческого бытия, делают это разными способами, в зависимости от исторически сложившихся традиций и культур. В этих условиях происходит накопление межцивилизационных противоречий и единственным способом сдерживания деструктивных начал в мировой политике и экономике является межкультурный диалог.

Сложно сказать, является ли ныне Латинская Америка цивилизацией. И еще сложнее определить, принадлежит ли к ней Бразилия, ибо культурная идентичность этой страны представляет собой явление сложное и многоплановое. Скорее всего Бразилия лишь призвана стать центром формирующейся латиноамериканской цивилизации в будущем и за счет этого сыграть важную роль в глобализационном процессе распространения принципов «Альянса цивилизаций». Являясь «космической расой», символом симбиоза культур и религий, эта страна представляется естественным и желаемым центром будущей мировой системы. Однако для этого государству необходимо поддерживать в обществе процесс постоянного осмысления меняющихся реалий.

На протяжении всего периода существования Бразилия занималась «выбором пути» своего развития. И сегодня, когда этот путь, наконец, найден, ей принципиально необходимо не утратить базовые этнокультурные признаки, лежащие в основе ее национальной самоидентификации. Только действуя на международной арене с позиций собственного социокультурного своеобразия, внутреннего единства и опоры на национальное культурное наследие и в то же время взаимодействуя с другими социумами, исходя из принципа миролюбивого диалога, Бразилия сможет занять достойное место в будущем миропорядке.

«Я и мое окружение» — вот та формула, которая в эпоху глобализации поможет Бразилии сохранить ее культурную идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: А.В.Бобровников, В.М.Давыдов. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, 234 с.

² Глобализация: многостороннее измерение. М., 2004, с. 18.

³ А.Н.Чумаков. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005, с. 74.

⁴ Ф.Фукьяма. Конец истории? — Вопросы истории, 1990, № 3.

⁵ С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций? — Полис, 1994, № 1.

⁶ Mead Richard. Cross-Cultural Management Communication. Wiley, 1992, 286 p.

⁷ В.М.Давыдов. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латинско-Карибской Америки. М., 2006, с. 9.

⁸ Н.С.Константинава. Проблема культурной идентичности в современном иберо-американском мире (испанский и латиноамериканский ракурсы). Иbero-американская культура на рубеже тысячелетий. — Латинская Америка, 2004, № 8, с. 42.

⁹ Д.Гольдблатт. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004, с. 386.

- ¹⁰ Fleck Gilmei Francisco. Abordagens à Língua, Literatura e Cultura hispânicas no contexto latinoamericano. — Revista Rascunhos Culturais, Volume 1, Edição N 1. Campo Grande, 2010, p. 83—90.
- ¹¹ M.R u d d y T o l e d o. La Cultura latinoamericana debe seguir tomando conciencia de si misma. — El Latino Americano. Miami, Marzo 2006. — <http://www.ellatinoamericano.net/articulos/cultura/cultura031.htm>
- ¹² E.D o s S a n t o s S i l v a. A Sub-Civilização Latino-Americana: Fato ou Ideologia? — <http://www.usinadeletras.com.br/exibelotexto.php?cod=34736&cat=Artigos>
- ¹³ Я.Г.Ш е м я к и н. Материалы дискуссии «Иберо-Америка в мировом цивилизационном процессе». Иберо-американистика. Традиции, тенденции, перспективы. М., 2002, с. 131.
- ¹⁴ В.М.Д а в ы д о в. Указ. соч., с. 52.
- ¹⁵ Н.С.К о н с т а н т и н о в а. Латинская Америка как культурно-исторический феномен. Взгляд из России XXI столетия. — Латинская Америка, 2001, № 4, с. 89.
- ¹⁶ Подробнее см.: G.F r e u g e. Casa-grande & senzala: formação da família brasileira sob o regime da economia patriarcal. Recife — Pernambuco — Brasil, 2003.
- ¹⁷ Сайт свободной энциклопедии Википедия. — http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B8
- ¹⁸ Б.Ф.М а р т ы н о в. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008, с. 199.
- ¹⁹ Подробнее см.: Н.С.К о н с т а н т и н о в а. Имидж России и его восприятие в Бразилии. М., 2009, с. 93—94.
- ²⁰ Подробнее см.: Л.А.А с л а н о в, О.А.С е р г е е в а. Социокультурный феномен Бразилии. — Латинская Америка, 2005, № 7, с. 62.
- ²¹ Е.Н.В а с и н а. Бразилия праздничная. — Латинская Америка, 2001, № 6, с. 75.
- ²² Подробнее см.: Н.С.К о н с т а н т и н о в а. Страна карнавала: несколько эссе о бразильской культуре. М., 2003, с. 22—39.
- ²³ Сайт свободной энциклопедии Википедия. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F#.D0.A0.D0.B5.D0.BB.D0.B8.D0.B3.D0.B8.D1.8F>
- ²⁴ R.P r a n d i. Religions and Cultures: Religious Dynamics in Latin America. Social Compass, 2008, p. 264—274.
- ²⁵ Открой Бразилию. Брошюра. — Посольство Бразилии в Российской Федерации, 2008, с. 44.
- ²⁶ Там же, с. 52—54.
- ²⁷ Подробнее см.: Н.С.К о н с т а н т и н о в а. Страна карнавала: несколько эссе о бразильской культуре, с. 76—84.
- ²⁸ Там же, с. 48—55, 63—75.
- ²⁹ Web-ресурс «Brazil.ru». — <http://www.brazil.ru/ru/sport>
- ³⁰ Б.Ф.М а р т ы н о в. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире, с. 60—62.
- ³¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров в Баку, 26 апреля 2010 г. — <http://www.patriarchia.ru/db/print/1146762.html>
- ³² Подробнее см.: Имидж России и его восприятие в Бразилии. М., 2009, с. 110.
- ³³ The Fourth Alliance of Civilizations Forum. Advanced Draft Report. New York, 2012, p. 8—9.
- ³⁴ Группа высокого уровня была создана в 2005 г. генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в ходе переговоров с премьер-министрами Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро и Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Состоящая из 20 выдающихся людей, связанных с областями политики, науки, гражданского общества, международных финансов, средств массовой информации из всех регионов мира, Группа высокого уровня занимается оценкой усилий, направленных на борьбу с экстремизмом, и рекомендаций коллективных действий в этой сфере.
- ³⁵ А.Р.Х а ф з о в а. Национальная программа Бразилии в рамках «Альянса цивилизаций». — «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). Сборник материалов «круглого стола». М., 2010, с. 151—164.